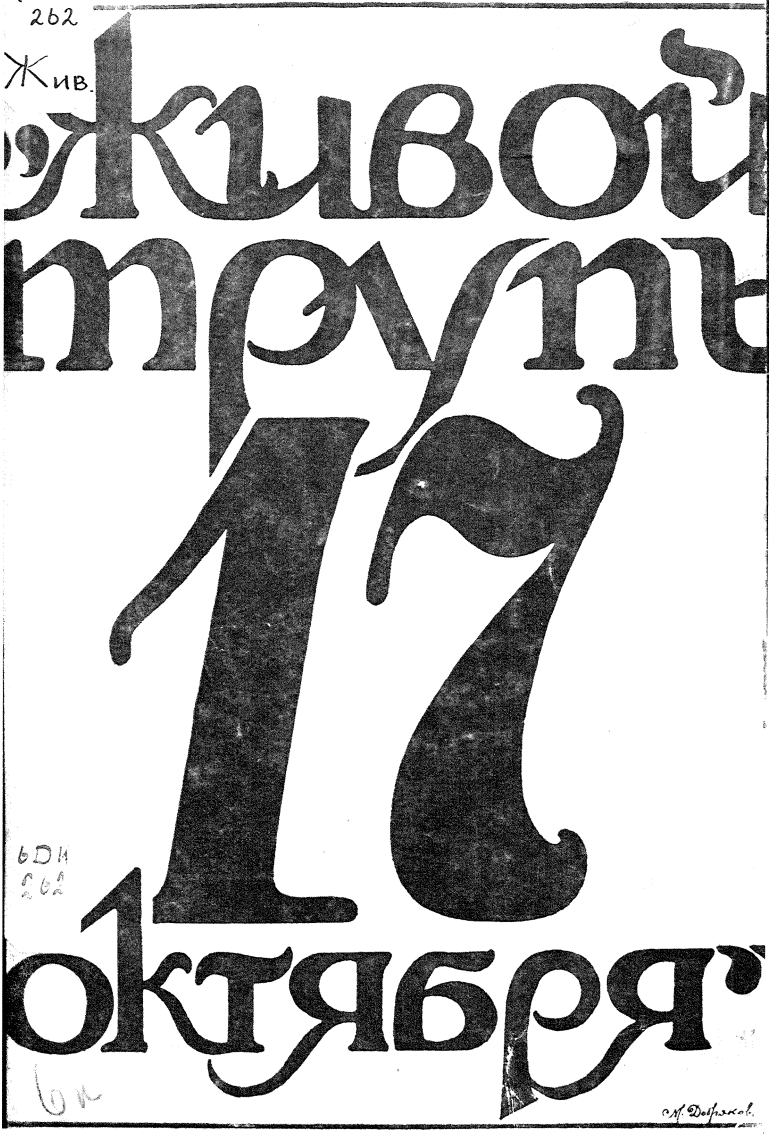
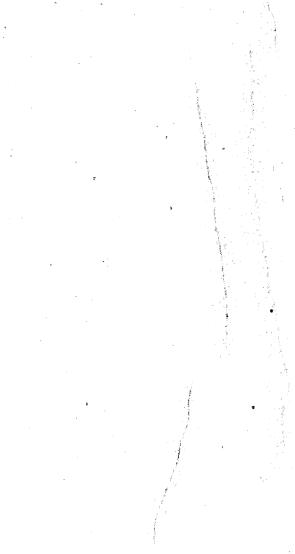
ДК
262
Жив.



бДК
262



ᑲ ᑕ ᐃ ᑕ ᑲ

„ЖИВОЙ ТРУПЪ 17-го ОКТЯБРЯ"...

Изъ отвѣта
Гр. С. Ю. Витте
А. И. Гучкову.

ИСТОРІЯ ВРЕМЕНЪ

„ОРГАНИЗАЦІИ КАБИНЕТА ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ".

ОБЪЯСНЕНІЯ

Гр. С. Ю. ВИТТЕ, А. И. ГУЧКОВА, Гр. И. И. ТОЛСТОГО, Д. И. ШИПОВА и В. И. ТИМИРЯЗЕВА съ предисловіемъ М. А. СУКЕННИКОВА.

Изданіе К-ва «МОЛВА», Москва.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

Между членомъ Г. Совѣта гр. С. Ю. Витте и членомъ Думы А. И. Гучковымъ возникла страстная полемика на столбцахъ петербургскихъ и московскихъ газетъ, — полемика, носившая большой общественный интересъ и заинтересовавшая широкіе круги какъ своимъ содержаніемъ, такъ и внѣшней формой ея.

Казалось бы, и гр. Витте, и Гучкову, какъ членамъ нашихъ законодательныхъ палатъ, незачѣмъ прибѣгать къ услугамъ прессы, ибо къ услугамъ каждаго изъ нихъ есть ораторская трибуна, на которой они могутъ развивать свои мнѣнія по текущимъ вопросамъ и эхо котораго разносится далеко по странѣ.

Но у обоихъ полемистовъ, еще такъ недавно связанныхъ узами единомыслія на почвѣ утерянной грамоты 17-го октября, есть нѣчто общее, что заставляетъ ихъ то и дѣло высказываться на газетныхъ столбцахъ, причемъ и тотъ, и другой необходимость отчитываться передъ общественнымъ мнѣніемъ искусно покрываютъ личиной добровольнаго обращенія къ суду общественнаго мнѣнія.

Гр. Витте — весь въ прошломъ — его роль, подчасъ крупная, подчасъ ничтожная, но отнюдь не историческая, — ибо онъ только тогда становился впереди, когда его толкали сзади, — сыграна. Несмотря на тотъ престижъ, о которомъ онъ такъ самодовольно говоритъ, на сценѣ политической жизни онъ теперь — не больше, какъ выходной актеръ.

Но гр. Витте — опытный политическій актеръ. Какъ сценическій лицедѣй, къ которому охладѣла публика, подстегиваетъ ея вниманіе фиктивными бе-

нефисами и подношеніями, заказанными имъ же самимъ, такъ гр. Витте пользуется каждымъ малѣйшимъ случаемъ, чтобы напомнить о себѣ, о своемъ существованіи, чтобы прокричать о своихъ заслугахъ, о своемъ престижѣ и вліяніи.

Бывшій предсѣдатель Г. Думы тоже человѣкъ, если не весь въ прошломъ, то конченный. Отъ него многаго ожидало правительство, надѣясь, что онъ сумѣетъ повести за собой общество, но общество не пошло за нимъ, и правительство не замедлило отречься отъ него, отказаться отъ его услугъ, подорвать его престижъ и положить конецъ его вліянію.

Было время, когда на А. И. Гучкова возлагало надежды и общество, по крайней мѣрѣ, та часть его, которая слѣпо вѣрила въ его политическіе таланты и въ его, никогда не существовавшія, убѣжденія. Но факты, изъ числа тѣхъ, которые переживаютъ красивыя слова и остаются, показали быстро обликъ Гучкова, и общество рѣшительно и радикально отмежевалось отъ вожака октябристовъ.

Но А. И. Гучковъ живетъ по сегодняшній день иллюзіями. Онъ все еще вѣритъ, что правительство чуетъ въ немъ большую духовную и политическую силу, и призоветъ его, если онъ сумѣетъ показать правительству свою благонамѣренность. И онъ вѣритъ, что общество пойдетъ за нимъ, если онъ сумѣетъ доказать, что онъ, Гучковъ, всегда съ обществомъ и за его интересы.

Отсюда вытекаетъ двойственность роли Гучкова и вся неприглядность его положенія. Правительство и общество разошлись самымъ рѣзкимъ, кореннымъ образомъ, и сблизить, если не примирить ихъ, не по плечу Гучкову. Да онъ и не беретъ на себя этой непосильной задачи, инстинктивно чуя, что лишился всякаго кредита какъ съ одной стороны, такъ и съ другой стороны.

Онъ только не хочетъ себѣ въ этомъ сознать-

ся и всякій свой шагъ, всякое выступленіе свое старается истолковать, какъ актъ политической мудрости и государственнаго строительства. Но имъ руководитъ лишь политическое честолюбіе, заставляющее его одновременно добиваться и довѣрія общественныхъ круговъ, и призыва его правительствомъ къ власти.

Гр. Витте и никогда не пользовался довѣріемъ общественныхъ круговъ и слишкомъ долго упивался своей властью, чтобы походить въ этомъ отношеніи на Гучкова. Но и его снѣдаетъ честолюбіе, его прельщаетъ былой престижъ, превратившійся въ ничто. Имъ руководитъ не столько жажда власти, сколько жажда возмездія тѣмъ, кто у него отнялъ и власть, и престижъ.

Несомнѣнный вдохновитель акта 17-го октября, гр. С. Ю. Витте полагаетъ, что русское общество, которое живетъ и дышитъ этимъ актомъ, не можетъ отдѣлить акта отъ его творца и только лишь ждетъ возвращенія творца къ власти, чтобы онъ могъ претворить мертвый актъ въ кипучую жизнь, бьющую ключемъ и надѣляющую всѣхъ животворящими радостями.

Поэтому гр. Витте постоянно и неуклонно стремится своими выступленіями обрисовать себя съ лучшей стороны, освѣтить свою роль съ наивыгоднѣйшей для него стороны, показать себя, вообще, въ томъ свѣтѣ, который былъ бы симпатиченъ обществу, еще не окончательно извѣрившемуся въ актъ 17-го октября.

Но гр. Витте слишкомъ опытный бюрократъ, искусившійся въ вопросахъ политической карьеры, чтобы не понимать, что однѣ завоеванныя симпатіи общественнаго мнѣнія ему не дадутъ власти. Поэтому онъ не только стремится жить въ ладу и мирѣ съ тѣми кругами, которые могутъ ему вернуть власть, но и показываетъ имъ, что онъ — тотъ же опытный, искушенный бюрократъ, понимающій, что центръ

тяжести не въ обществѣ и его мнѣніи, а въ ставкѣ на силу и власть.

Эта двойственность тактики гр. С. Ю. Витте усложнилась еще тѣмъ, что на дорогѣ ему, человѣку безспорно талантливому, стоящему головой выше окружавшей и окружающей его бюрократіи, сталъ человѣкъ властный, сильный характеромъ, настойчивый и выдающійся если не созидательной работой, то именно своей настойчивостью и властностью характера — Столыпинъ.

Гучковъ мѣтко охарактеризовалъ опытную руку, дергающую закулисными маріонетками, — и какъ бы гр. Витте ни отрицалъ своихъ планомѣрныхъ выступленій противъ покойнаго премьера, общество слишкомъ хорошо знаетъ гр. Витте, чтобы повѣрить ему. Да и Гучковъ за весь періодъ третьей Думы принадлежалъ къ числу habitués политическихъ кулисъ, чтобы не присмотрѣться, чья же рука дергаетъ тѣми или иными маріонетками.

И гр. Витте, и Гучковъ, собственно говоря, не могутъ, какъ авгуры, посмотрѣть другъ другу въ глаза, чтобы не расхохотаться. Потому что оба они принадлежатъ къ тому числу политическихъ дѣятелей, которые свои таланты, свое вліяніе, свой умъ стараются проявить больше за кулисами политической арены, нежели съ поднятымъ забраломъ передъ лицомъ общественнаго мнѣнія.

Отжившая теорія о томъ, что государственная дѣятельность требуетъ закулисной дѣятельности, недоступной для непосвященныхъ зрителей, впитана гр. Витте съ первыхъ же шаговъ его бюрократической дѣятельности. Гучковъ же, пришедшій за кулисы изъ чистой, несомнѣнно, атмосферы зрительнаго зала, слишкомъ быстро полюбилъ эти кулисы, ихъ пыльный запахъ, ихъ удобства, ихъ защиту.

Но со времени 1905 г. у насъ произошла такая переоцѣнка многихъ цѣнностей, что и общество имѣетъ нѣкоторый доступъ за эти кулисы, въ

своемъ стремленіи очистить ихъ атмосферу, и тѣ, кто дѣйствуютъ за кулисами, не смотрятъ больше на нихъ, какъ на китайскую стѣну, отдѣляющую ихъ отъ общества.

Мало того, если за этими кулисами творится что-либо, что не по душѣ другому закулисному дѣятелю, то послѣдній самъ старается пролить свѣтъ на закулисныя вліянія и интриги, чтобы лишить первыя ихъ силы, а вторыя — ихъ остроты. И только этимъ, а не чѣмъ-либо инымъ, мы обязаны полемикѣ, возникшей между гр. Витте и А. Гучковымъ.

Для камердинера нѣтъ великаго человѣка. Справедливость этой пословицы не только въ томъ, что великій человѣкъ есть раньше всего человѣкъ со всѣми человѣческими слабостями, которыя не могутъ быть скрыты отъ камердинера, помогающаго своему барину и одѣться, и раздѣться, оберегающаго его сонъ и покой, знающаго его слабыя стороны, вспышки и перемѣны настроеній.

Смыслъ пословицы въ томъ, что великій человѣкъ не долженъ обнажаться передъ всѣми людьми, долженъ держать ихъ на томъ отдаленіи, которое не позволяло бы имъ видѣть его слабости, долженъ держаться такъ, чтобы люди его сильную дѣятельность и силу его духа не смѣшивали съ его человѣческими слабостями.

Я отнюдь не думаю ни гр. Витте, ни Гучкова причислить къ великимъ людямъ. Съ точки зрѣнія бюрократической они оба, пожалуй, таланты, — каждый по своему и въ своихъ границахъ, но съ точки зрѣнія исторической они среднихъ талантовъ люди, изъ числа тѣхъ, которые не могутъ упредить ни вѣка, ни даже своего времени.

Но общія услвія политической жизни поставили ихъ въ такія рамки, когда они по отношенію къ широкимъ массамъ играютъ роль великихъ, т. е. они отчасти призваны были, отчасти призваны своимъ умомъ, вліяніемъ и талантами играть роль государ-

ственныхъ строителей и созидателей новой Россіи.

Какъ они играли и какъ играютъ эту роль, нашему общественному мнѣнію достаточно хорошо извѣстно. Играя роль великихъ, они не удержались на высотѣ и дали возможность своимъ «камердинерамъ» разоблачить ихъ слабости, показать, что за слабостями ихъ не скрываются ни большіе таланты, ни настоящіе созидатели.

Но если кто-либо предполагалъ, что это — клевета «камердинеровъ», которымъ не дано было понять и оцѣнить величіе ихъ талантовъ и государственныхъ способностей, если кто-либо сохранилъ иллюзію, будто ихъ величіе — истина, а не мишура, то газетной полемикой, съ которою читатели познакомятся ниже, они окончательно обнажились передъ общественнымъ мнѣніемъ и пригласили всѣхъ на всенародное торжество — самообнаженія и саморазоблаченія.

М. Сукенниковъ.

14-го сентября 1911 г. въ г. Москвѣ состоялось подъ предсѣдательствомъ А. И. Гучкова засѣданіе центральнаго комитета союза 17 октября при участіи членовъ партіи, живущихъ въ Москвѣ. Засѣданіе было посвящено главнымъ образомъ рѣчи Гучкова въ память П. А. Столыпина, послѣ того, какъ память почившаго была почтена вставаніемъ.

Гучковъ указалъ, что въ лицѣ Столыпина сошелъ человѣкъ, который и по своимъ идеямъ, по своимъ стремленіямъ, по своимъ политическимъ задачамъ наиболѣе сходился съ планами и стремленіями многихъ членовъ союза 17 октября. Въ виду этого къ смерти этого человѣка союзъ не можетъ отнестись такъ, какъ отнесся бы или могъ бы отнестись къ смерти всякаго другого виднаго администратора и государственнаго дѣятеля, какъ бы крупно ни было его значеніе.

Однако же, пусть собраніе не ждетъ отъ оратора попытки охарактеризовать всю дѣятельность Столыпина, всѣ его заслуги. Ораторъ прежде всего лично подавленъ тяжестью утраты и не могъ бы осуществить такую задачу во всей ея полнотѣ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ момента. Это требуетъ серьезной и продолжительной работы, да и время для полной оцѣнки Столыпина еще не наступило, потому что событія слишкомъ близки къ намъ. Гучковъ хочетъ лишь познакомить собраніе съ нѣкоторыми эпизодами, которые имѣли прямое или косвенное отношеніе къ союзу 17 октября.

Въ первый разъ Гучковъ познакомился съ личностью Столыпина, когда гр. Витте формировалъ кабинетъ, и шла рѣчь о приглашеніи въ него об-

щественныхъ дѣятелей. Тогда на совѣщаніе были приглашены: проф. кн. Трубецкой, Шиповъ и самъ ораторъ. Имъ было предложено вступить въ министерство. А. И. Гучковъ совершенно не хотѣлъ принимать портфеля, другіе колебались, но, во всякомъ случаѣ, всѣ ставили извѣстныя условія.

Прежде всего они хотѣли знать, кто будетъ ихъ товарищами по кабинету, главное — кто будетъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Гр. Витте говорилъ о Дурново. Противъ него рѣшительно запротестовали всѣ присутствовавшіе общественные дѣятели. Гр. Витте предложилъ компромиссъ въ видѣ назначенія товарищами Дурново кн. Урусова и Лопухина, которые будутъ-де сдерживать Дурново, но общественные дѣятели рѣшительно высказались противъ Дурново.

Тогда кн. Оболенскій, присутствовавшій на собраніи, выдвинулъ имя Столыпина, рекомендуя его съ прекрасной стороны. Послѣ долгихъ переговоровъ и колебаній гр. Витте взялъ телеграфный бланкъ и написалъ вызовъ Столыпину въ Петербургъ. Общественные дѣятели ушли въ полной увѣренности, что въ кабинетѣ будетъ Столыпинъ, но на другой день гр. Витте собралъ ихъ и заявилъ, что передумалъ и остается при Дурново.

Столыпинъ появляется уже послѣ, когда передъ созывомъ первой Г. Думы Горемыкинымъ былъ сформированъ кабинетъ. Тутъ состоялось и непосредственное знакомство Гучкова со Столыпинымъ. Когда во время первой Г. Думы зашла рѣчь о кадетскомъ кабинетѣ, и вопросъ объ образованіи его былъ въ принципѣ почти рѣшенъ, П. А. Столыпинъ былъ тотъ, который возсталъ противъ этой мысли, и которому удалось доказать нежелательность такой комбинаціи. Первая Г. Дума была распущена, и Столыпинъ былъ назначенъ премьеромъ.

Гучковъ разсказалъ затѣмъ всѣ болѣе или менѣе извѣстныя подробности объ отношеніи Столыпина

ко второй и третьей Думѣ, остановившись обстоятельно на образованіи правой группы въ Думѣ и, особенно, въ Г. Совѣтѣ уже во время третьей Думы, причемъ, дѣятельность этой группы въ Г. Совѣтѣ была цѣликомъ направлена противъ Столыпина. Во главѣ этой группы стоялъ Дурново, а негласнымъ ея вдохновителемъ былъ гр. Витте.

Въ первый разъ кампанія правыхъ противъ Столыпина должна была проявиться на преобразованіи русской миссіи при японскомъ правительствѣ въ посольство. Правые хотѣли подчеркнуть въ этомъ актѣ искушеніе революціоннаго Столыпина на прерогативы Монарха, Который долженъ былъ провести это помимо Думы. Затѣмъ рѣшено было оставить этотъ поводъ и ожидать болѣе удобнаго случая. Случай нашелся въ штатахъ морского министерства. Подробности этого инцидента достаточно извѣстны. Когда эти штаты, пройдя черезъ Думу и Г. Совѣтъ, не удостоились высшаго утвержденія, Столыпинъ подалъ въ отставку. Въ вопросѣ о штатахъ, какъ и въ вопросѣ объ японской миссіи, всю интригу велъ Дурново, инспирированный своимъ другомъ гр. Витте, или, вѣрнѣе, гр. Витте черезъ своего друга Дурново.

Третье столкновеніе Столыпина съ этой компаніей было въ вопросѣ о введеніи земства въ западныхъ губерніяхъ. Все это дѣло настолько близко и настолько извѣстно, что ораторъ не счелъ нужнымъ о немъ распространяться. Онъ только заявилъ, что октябристы во всемъ, гдѣ только было возможно, шли совмѣстно со Столыпинымъ, рука объ руку съ нимъ. Въ заключеніе Гучковъ говорилъ о душѣ Столыпина, о его сердцѣ, о томъ, что это былъ прекрасный, благородный патріотъ въ лучшемъ смыслѣ этого понятія. Онъ горячо любилъ Россію и съ особенно нѣжнымъ, хорошимъ чувствомъ произносилъ это слово Россія.

Мы привели отчетъ о рѣчи А. И. Гучкова въ томъ

видѣ, въ какомъ онъ появился на столбцахъ «Новаго Времени». Отчетъ этотъ, очевидно, обратилъ на себя вниманіе лицъ, упомянутыхъ въ рѣчи А. И. Гучкова, потому что лидеръ партіи 17-го октября прислалъ уже на слѣдующій день въ редакцію того же «Новаго Времени» письмо, въ которомъ просилъ заявить, что засѣданіе центральнаго комитета Союза 17 октября въ Москвѣ было закрытое, представители печати на немъ не присутствовали, и этимъ, очевидно, объясняется, что сообщеніе московскаго хроникера «Новаго Времени» о произнесенной г. Гучковымъ рѣчи совершенно не соотвѣтствуетъ истинѣ.

Это заявленіе А. И. Гучкова, однако, не удовлетворило наиболѣе заинтересованнаго въ правильномъ освѣщеніи вопроса объ общественномъ кабинетѣ гр. С. Ю. Витте, который выступилъ на столбцахъ той же газеты съ пространнымъ опроверженіемъ, указывая, что въ рѣчи Гучкова содержится цѣлый рядъ свѣдѣній и утвержденій, не соотвѣтствующихъ истинѣ:

1) Имъ, графомъ Витте, въ совѣщаніе, о которомъ идетъ рѣчь, были приглашены слѣдующіе общественные дѣятели: Д. Н. Шиповъ, которому былъ предложенъ постъ государственнаго контролера; А. И. Гучковъ, которому былъ предложенъ постъ министра торговли; князь С. Н. Трубецкой, которому былъ предложенъ постъ министра народнаго просвѣщенія; князь Урусовъ, которому предполагалось предложить постъ министра внутреннихъ дѣлъ, и М. А. Стаховичъ, которому ничего не было предложено, такъ какъ онъ сразу заявилъ графу Витте, съ которымъ находится донынѣ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, что желаетъ балотироваться въ члены Г. Думы и потому не считаетъ удобнымъ принять какой-либо правительственный постъ, остальныя же лица, въ томъ числѣ и А. И. Гучковъ, не отказались принять портфелей и только ставили нѣкоторыя условія. Всѣ эти дѣятели, кромѣ князя Урусова, были извѣстны графу Витте, князь же Урусовъ былъ рекомендованъ

ему на постъ министра внутреннихъ дѣлъ княземъ А. Д. Оболенскимъ. Кромѣ вышеуказанныхъ лицъ и графа Витте, въ сказанномъ совѣщаніи принималъ участіе только князь А. Д. Оболенскій.

2) Изъ предварительныхъ до совѣщанія объясненій съ княземъ Урусовымъ графу Витте сдѣлалось извѣстнымъ, что князь совсѣмъ незнакомъ съ организаціей и функціями русской секретной полиціи, и потому ему не былъ предложенъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. По той же причинѣ графъ Витте не могъ послѣдовать совѣту совѣщанія принять самому, оставаясь предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, этотъ постъ. Во время совѣщанія княземъ А. Д. Оболенскимъ былъ также предложенъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ саратовскій губернаторъ П. А. Столыпинъ. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ отнеслись къ этому предложенію сочувственно; двое заявили, что Столыпина не знаютъ; одинъ заявилъ, что, насколько ему извѣстно, Столыпинъ въ своихъ дѣйствіяхъ и мнѣніяхъ неопредѣлителенъ и измѣнчивъ. Графъ же Витте на это предложеніе никакъ не реагировалъ, никакой депеши Столыпину не давалъ и не предполагалъ давать, находя, что предлагаемый кандидатъ не можетъ занять мѣста министра внутреннихъ дѣлъ, не будучи знакомъ съ нѣкоторыми частями министерства и, главнымъ образомъ, также, какъ и князь Урусовъ, не будучи совсѣмъ знакомъ съ организаціей и функціями русской секретной полиціи. Поэтому графъ Витте на постъ министра внутреннихъ дѣлъ съ самаго начала совѣщанія предложилъ П. Н. Дурново и настаивалъ на этомъ предложеніи, сознавая всю отвѣтственность, которая на немъ лежитъ въ случаѣ катастрофы по неопытности министра внутреннихъ дѣлъ, — подобной той, которая произошла въ Кіевѣ и которая могла имѣть еще неизмѣримо болѣе ужасныя послѣдствія, не произошедшія не вслѣдствіе распорядительности и опытности министра внутреннихъ дѣлъ, а по Божіей милости.

Если подобная катастрофа оказалась возможной черезъ пять лѣтъ послѣ оставленія графомъ Витте поста предсѣдателя Совѣта и послѣ засвидѣтельствованія «успокоенія», то тѣмъ паче ихъ графу Витте слѣдовало опасаться во время полной смуты конца 1905 и первой половины 1906 годовъ, когда графъ Витте былъ премьеромъ.

3) Въ первомъ засѣданіи совѣщанія между графомъ Витте и вышеупомянутыми общественными дѣятелями послѣдовало принципіальное согласіе по всѣмъ главнымъ вопросамъ, за исключеніемъ вопроса о назначеніи министра внутреннихъ дѣлъ. Графъ Витте настаивалъ на назначеніи Дурново, а общественные дѣятели, за исключеніемъ князя Урусова, высказывались противъ этого назначенія. Князь же Урусовъ убѣждалъ своихъ коллегъ по совѣщанію, въ виду труднаго момента и невозможности медлить, согласиться на назначеніе Дурново и съ своей стороны, чтобы показать примѣръ, заявилъ, что готовъ принять постъ товарища Дурново по министерству. Вслѣдствіе такого разногласія засѣданіе совѣщанія было отложено на нѣсколько часовъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи Шиповъ, Гучковъ и князь Трубецкой заявили, что они не могутъ войти въ министерство, гдѣ будетъ Дурново, а графъ Витте заявилъ, что онъ сожалѣетъ, что лишается столь почтенныхъ коллегъ, но не можетъ отказаться отъ назначенія Дурново.

Поэтому образованіе министерства съ общественными дѣятелями не состоялось, и Дурново былъ назначенъ, но только управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, хотя графомъ Витте былъ представленъ въ министры. Товарищемъ Дурново одновременно былъ назначенъ князь Урусовъ, а о назначеніи Лопухина товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ не было ни въ совѣщаніи, ни внѣ его и рѣчи. Лопухинъ не могъ входить въ предположенія графа Витте уже потому, что онъ былъ правой рукой В. К. Плеве.

4) Заявленія, будто бы сдѣланныя г. Гучковымъ въ сказанномъ засѣданіи, о томъ, что графъ Витте былъ негласнымъ вдохновителемъ правой группы членовъ Г. Совѣта и лидера ея Дурново, «его друга», безусловно ошибочны. Всѣмъ членамъ Г. Совѣта правой группы это отлично извѣстно. Графъ Витте ни въ правой, ни въ какой иной группѣ не состоялъ и не состоитъ. Съ Дурново у него сохранились хорошія личныя отношенія, но вслѣдствіе разномыслія по многимъ принципіальнымъ вопросамъ они видѣлись рѣдко и избѣгали дѣловыхъ разговоровъ. Въ частности по дѣлу о миссіи въ Японіи, графъ Витте не принималъ никакого участія, и все это дѣло проходило въ его отсутствіе. По дѣлу о штатахъ морского министерства графъ Витте указалъ на точный смыслъ законовъ, такъ, какъ онъ ихъ понималъ, когда составлялъ. Правительство же Столыпина толковало эти законы въ смыслѣ ограничительномъ по отношенію власти Монарха, а затѣмъ, когда Его Величество не одобрилъ это толкованіе, то то же правительство въ исключительномъ порядкѣ растолковало тѣ же законы въ смыслѣ значительно болѣе широкомъ, нежели ихъ комментировалъ графъ Витте. По дѣлу о земствахъ въ западныхъ губерніяхъ, графъ Витте и многіе члены правой группы совершенно по различнымъ и даже противоположнымъ мотивамъ высказались противъ предложенія правительства — и графъ Витте до сихъ поръ держится убѣжденія, что принятое рѣшеніе породитъ массу недоразумѣній и толковъ.

А. И. Гучковъ поспѣшилъ отвѣтить на это возраженіе гр. С. Ю. Витте контръ-возраженіемъ, появившимся въ «Новомъ Времени» въ формѣ письма въ редакцію. Приводимъ его цѣликомъ.

«М. г. Въ № 12765 вашей уважаемой газеты помѣщено письмо графа С. Ю. Витте съ возраженіемъ противъ нѣкоторыхъ мѣстъ того доклада (кстати, съ большими искаженіями переданнаго въ газетахъ), ко-

торый былъ сдѣланъ мною въ засѣданіи центральнаго комитета союза 17 октября. Въ общемъ, графъ Витте излагаетъ правильно ходъ дѣла съ первой попыткой образовать правительство, какъ тогда называлось, изъ «общественныхъ дѣятелей», и не вступаетъ ни въ какія противорѣчія съ той версіей, которая была сообщена мною въ моемъ докладѣ. Однако встрѣчаются подробности, которыя представляютъ извѣстный интересъ, но, за давностью времени, или запамятованы графомъ Витте, или сохранились въ его памяти въ искаженномъ видѣ. И не мудрено: вѣдь среди той кипучей работы по постройкѣ новой Россіи на основахъ манифеста 17 октября, которой, казалось, былъ поглощенъ новый предсѣдатель Совѣта Министровъ, тѣ переговоры, которые онъ велъ съ группой общественныхъ дѣятелей, представляли для него небольшой эпизодъ, который могъ и не сохранить отчетливаго слѣда въ его памяти. Вниманіе его собесѣдниковъ было болѣе пристально и могло оставить болѣе рѣзкій отпечатокъ въ ихъ воспоминаніяхъ объ этихъ событіяхъ.

Главнымъ пунктомъ разногласія въ переговорахъ явился, дѣйствительно, вопросъ о замѣщеніи поста министра внутреннихъ дѣлъ. Графъ Витте съ самаго начала весьма категорически высказалъ, что единственнымъ его кандидатомъ на этотъ постъ является П. Н. Дурново (тогда товарищъ министра, завѣдывавшій полиціей). Главнымъ доводомъ въ пользу этого кандидата выставлялось его близкое знакомство съ дѣлами полиціи, охраны, борьбы съ революціонными партіями: «онъ держитъ въ рукахъ всѣ нити». Собесѣдники графа Витте не менѣе категорически возражали противъ этой кандидатуры. Возраженія ихъ имѣли въ виду не столько политическую, сколько моральную фигуру кандидата. Вѣдь, политическая физіономія господина Дурново въ то время еще мало обрисовалась, а я лично имѣлъ нѣкоторыя вѣскія данныя, чтобы считать будущаго бор-

ца противъ революціи не столь непримиримымъ реакціонеромъ, какимъ онъ, видимо, перейдетъ въ потомство. Я имѣлъ основаніе считать его достаточно гибкимъ и покладистымъ, чтобы сдѣлаться вѣрнымъ слугою всякаго политическаго порядка, лишь бы этотъ порядокъ былъ проченъ. На основаніи этихъ данныхъ, я легко могъ себѣ представить господина Дурново въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ при томъ конституціонно-монархическомъ строѣ, который былъ заложенъ манифестомъ 17 октября, правда, при условіи, чтобы этотъ строй былъ внѣ посягательствъ. Повторяю, главныя возраженія противъ этой кандидатуры относились къ нравственной личности кандидата, къ событіямъ изъ его прошлаго, между прочимъ, и къ тому происшествію, которое нашло себѣ характеристику въ одной Высочайшей отмѣткѣ. Горячимъ защитникомъ кандидатуры господина Дурново явился, дѣйствительно, князь С. Д. Урусовъ, впослѣдствіи членъ первой Гос. Думы. «Дурново лучше, чѣмъ его репутація», — говорилъ намъ этотъ защитникъ, который и поступилъ вполнѣ послѣдовательно, согласившись идти къ господину Дурново въ помощники, въ то время, какъ другіе собесѣдники наотрѣзъ отказались сдѣлаться его коллегами.

Можетъ быть, не изгладилась изъ памяти графа Витте еще одна подробность этого эпизода. Былъ моментъ, правда, непродолжительный, когда онъ уступилъ своимъ собесѣдникамъ и отказался отъ своего кандидата. Все описываемое происшествіе имѣло мѣсто сейчасъ же послѣ манифеста 17 октября, когда царствовала самая широкая, я бы сказалъ, необузданная свобода печати. Предсѣдателю Совѣта Министровъ было доложено, что въ распоряженіи нѣкоторыхъ редакцій имѣется ужасающій матеріалъ разоблаченій изъ прошлаго его кандидата, что громовыя статьи готовы въ наборѣ и ждутъ только появленія указа о назначеніи новаго министра, чтобы вылить ушаты грязи и на него, и на все правитель-

ство, принявшее отвѣтственность за такое назначеніе.

То, чего не могли достигнуть наши доводы въ томительные дни длящихся переговоровъ, то въ мигъ было достигнуто призракомъ скандала. Надо отдать справедливость графу Витте, что общественное мнѣніе всегда представлялось ему силой, съ которой слѣдуетъ ладить и за которой стоитъ ухаживать. Кандидатура господина Дурново пала, и тогда-то начались поиски новыхъ кандидатовъ. Впервые тогда для меня прозвучало имя П. А. Столыпина. Графъ Витте правъ: имя это было названо княземъ А. Д. Оболенскимъ, который очень горячо отозвался о выдающихся способностяхъ саратовскаго губернатора. Кое-кто подтвердилъ, кое-кто отозвался незнаніемъ. Опредѣленно помню: отрицательнаго отзыва, о которомъ пишетъ графъ Витте, никто не дѣлалъ. Вѣроятно, графъ Витте впадаетъ невольно въ весьма естественную ошибку, перенося свое позднѣйшее отрицательное сужденіе о личности покойнаго предсѣдателя Совѣта Министровъ на тотъ моментъ перваго знакомства съ самымъ именемъ его. Въ то же время всплыла и кандидатура господина Лопухина, бывшаго директора департамента полиціи при Плеве, а впослѣдствіи эстляндскаго губернатора. Лопухинъ былъ названъ княземъ Е. Н. Трубецкимъ, который, въ качествѣ его двоюроднаго брата, могъ, конечно, лучше другихъ судить о степени пригодности его къ роли руководителя нашей внутренней политики. Кандидатура эта была, однако, можно сказать, однимъ взмахомъ устранена самимъ графомъ Витте, который напомнилъ о трусливомъ поведеніи эстляндскаго губернатора, позорно капитулировавшаго въ дни свободъ въ Ревелѣ. Позднѣйшая печальная исторія бывшаго директора департамента полиціи только подтвердила справедливость отрицательнаго къ нему отношенія графа Витте.

Вскорѣ, однако, произошла новая перемѣна. При

возобновленіи переговоровъ графъ Витте заявилъ собесѣдникамъ съ прежнею категоричностью, что онъ не можетъ обойтись въ своемъ кабинетѣ безъ П. Н. Дурново. Намъ оставалось только предостеречь въ послѣдній разъ противъ той злосчастной точки зрѣнія, въ силу которой въ основу выбора лица для руководства нашей внутренней политикой и, слѣдовательно, въ основу всей этой политики, ставились интересы охраны, политическаго сыска и борьбы съ крамолой. Намъ казалось, что при всей важности этихъ задачъ, онѣ не должны заслонить собой ту необъятную область вопросовъ внутренней политики, которая, при нормальныхъ условіяхъ, должна бы составлять главное содержаніе дѣятельности государственной власти.

Въ частности, возвращаясь къ личности будущаго министра внутреннихъ дѣлъ, я говорилъ графу Витте: «Призывая къ власти насъ, людей съ воли, вы ищете не хорошихъ техниковъ, не хорошихъ вѣдомственныхъ министровъ. Среди вашихъ чиновниковъ вы найдете на эти роли людей лучше насъ. Вамъ нужны общественные дѣятели, которые принесутъ собой, какъ бы авансомъ, въ кредитъ, извѣстную долю общественнаго довѣрія со стороны тѣхъ круговъ, которые они представляютъ. Если бы мы, уступая вашимъ доводамъ, согласились стать коллегами господина Дурново, общественное мнѣніе въ мигъ развѣнчало бы насъ, мы потеряли бы общественное значеніе, а, слѣдовательно, и всякую цѣну для васъ. Въ такомъ случаѣ возьмите вѣдомственныхъ министровъ: они вамъ болѣе подходящи».

Переговоры были прерваны. Кабинетъ составился при участіи П. Н. Дурново. Графъ Витте, какъ видно, остался вполнѣ доволенъ своимъ выборомъ, но и мнѣ также не приходится раскаиваться въ своемъ поведеніи.

Трудно возражать противъ послѣдней части письма графа Витте, въ которой онъ отрицаетъ свои свя-

зи съ правымъ крыломъ Гос. Совѣта и тѣми реакціонными, внѣпарламентскими кругами, которые вели такую упорную борьбу съ покойнымъ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Былъ ли графъ Витте вдохновителемъ этого похода? При настоящемъ состояніи нашихъ историческихъ источниковъ это трудно доказать документально, но для тѣхъ, кто, какъ я, стоялъ вблизи политической сцены послѣдняго времени, была ясно видна та опытная, искусная рука, которая изъ-за кулисъ разставляла фигуры и дергала маріонетками. Во всякомъ случаѣ, общность конечной цѣли — борьба противъ новаго политическаго строя, общность ближайшихъ тактическихъ задачъ, въ числѣ которыхъ первой являлось устраненіе того лица, которое было убѣжденнымъ сторонникомъ этого строя и стояло поперекъ дороги всякихъ реакціонныхъ политическихъ экспериментовъ, эта общность являлась результатомъ, если не сговора, то внутренняго сродства. А что пріемы борьбы у этихъ единомышленниковъ были разные, то кто же не знаетъ, что своеобразная личность графа Витте избѣгаетъ дѣйствовать шаблонами и ходить проторенными путями?

Тяжкое время пережито нами. И пережито ли? На этомъ, сравнительно короткомъ періодѣ нашей исторіи, начиная съ войны, сколько скопилось ошибокъ, преступленій, тяжкихъ отвѣтственностей! А сама война! Ея причины, ея теченіе, ея исходъ... Развѣ побѣда была такъ невозможна? Развѣ нашу несчастную армію, истекавшую кровью, развѣ ее поддержали? Много явилось теперь «спасателей» отечества! Изъ всѣхъ щелей и норъ выползаютъ они. Вѣдь какъ извѣстно, этихъ спасателей всегда является тѣмъ больше, чѣмъ меньше отечество нуждается во спасеніи. Многіе изъ нихъ тогда еще не рѣшили, по какую сторону барикады стать, «не знали, желать ли имъ побѣды нашей арміи». Судъ человѣческій уже опоздалъ, судъ исторіи не

наступилъ. А передъ этимъ судомъ покойный Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ явится съ инымъ титуломъ, чѣмъ титулъ министра полиціи».

3 октября въ клубѣ общественныхъ дѣятелей состоялось соединенное засѣданіе петербургскаго городского совѣта и участковыхъ комитетовъ союза 17 октября.

Собраніе открылось рѣчью А. И. Гучкова, посвященной характеристикѣ политическаго момента и тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ должны были совершиться выборы въ Г. Думу кандидата по первой куріи взамѣнъ умершаго С. П. Бѣляева.

Первую часть своей рѣчи А. И. Гучковъ и посвятилъ Бѣляеву, охарактеризовавъ его, какъ цѣннаго представителя торгово-промышленныхъ круговъ столицы, достойнаго работника въ Г. Думѣ, потеря котораго сдѣлала замѣтную брешь въ политическихъ рядахъ союза 17 октября.

Его мѣсто должно быть занято также представителемъ торгово-промышленныхъ круговъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ безусловно необходимо, чтобы въ Думу прошелъ представитель союза 17 октября. А. И. Гучковъ мотивировалъ это крайней серьезностью положенія, создавшейся послѣ событій 1 сентября, и призывалъ къ этому съ настойчивой убѣдительностью.

«Мы потеряли Столыпина, продолжалъ лидеръ партіи 17-го октября: но оцѣнить всѣ послѣдствія этой потери сейчасъ слишкомъ трудно. Однако же, для пониманія момента необходимо вспомнить, кто такой былъ Столыпинъ и чѣмъ онъ былъ цѣненъ.

Прежде всего Столыпинъ былъ искреннимъ, убѣжденнымъ и горячимъ сторонникомъ народнаго представительства; въ своей дѣятельности онъ одинаково горячо и энергично отстаивалъ народное представительство отъ тѣхъ опасностей, которыя грозили ему съ двухъ сторонъ.

Они грозили ему слѣва, со стороны революціоннаго натиска, и въ этомъ смыслѣ актъ 3 іюня, пе-

редавшій работу народнаго представительства въ ру ки спокойныхъ умѣренныхъ элементовъ, привыкшихъ къ созидательной работѣ въ учрежденіяхъ земскаго и городского самоуправленія, было актомъ спасительнымъ для самой идеи народнаго представительства.

Но когда революціонная война улеглась, правительство оправилось и почувствовало, что матеріальная сила у него снова въ рукахъ, то народному представительству стала грозить опасность гораздо болѣе страшная — со стороны реакціонныхъ круговъ.

Замѣчательна помѣтка, сдѣланная Столыпинымъ на письмѣ извѣстнаго раскаявшагося революціонера Льва Тихомирова, писавшаго ему о томъ, что можно было бы, воспользовавшись моментомъ успокоенія, законодательныя учрежденія превратить въ законосовѣщательныя. Столыпинъ на этомъ письмѣ сдѣлалъ помѣтку, что это была бы «злая провокація».

Искренній сторонникъ народнаго представительства, Столыпинъ въ то же время былъ истиннымъ демократомъ, такъ какъ полагалъ, что твердою основою государственныхъ началъ въ народныхъ массахъ должно быть обезпеченное, благоустроенное крестьянство.

Въ этомъ направленіи Столыпинымъ былъ частью проведенъ, частью предпринятъ рядъ серьезнѣйшихъ мѣръ. Достаточно указать на широкое развитіе ссудосберегательныхъ товариществъ и кассъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ на такіе законопроекты о поселковомъ и волостномъ самоуправленіи.

Было время, когда либерально-просвѣщенные круги русскаго общества, увлеченные организаціей и устройствомъ мелкой земской единицы, страстно этого добивались, а дореформенныя административныя власти всѣми силами этому противодѣйствовали. Столыпинъ же самъ внесъ эти законопроекты въ законодательныя учрежденія.

Столыпинъ былъ другомъ религіозной свободы, имъ внесены были въ Г. Думу законопроекты, обез-

печивающіе свободное исповѣданіе вѣры, свободный переходъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, старообрядческій законопроектъ.

Если Столыпину не удалось провести эти законопроекты въ жизнь, то во всякомъ случаѣ въ административной области духъ и смыслъ этихъ законопроектовъ былъ широко использованъ.

Огромной важности дѣло было совершено Столыпинымъ въ области государственной обороны. Если взять состояніе государственной обороны пять лѣтъ назадъ и положеніе этого дѣла въ настоящую минуту то между этими двумя моментами нѣтъ ничего общаго, — такъ много работы здѣсь произведено. Но это могло быть сдѣлано при томъ обязательномъ условіи, что народные представители и глава правительства идутъ совершенно дружно, не щадя усилій и труда.

Столыпинъ любилъ Россію. Лица, близко его знавшія, обращали вниманіе на то, что, когда онъ произносилъ слово «Россія», то произносилъ его такимъ тономъ, какимъ говорятъ о глубоко и нѣжно любимомъ существѣ. Всѣхъ поражала его изумительная всегдашняя готовность не только безгранично работать, но жертвовать собой для блага родины.

Не всегда мы были съ нимъ единомышленны,—закончилъ свою рѣчь А. И. Гучковъ:—да и широкая своеобразная натура П. А. Столыпина не укладывалась въ рамки существующихъ партійныхъ взглядовъ. Поэтому, работая согласно съ нимъ или расходясь съ нимъ во взглядахъ, мы всегда уважали и цѣнили его глубокую искренность и благородство убѣжденій.

Послѣднее время обнаружился совершенно ясный планъ охоты противъ Думы и Столыпина. Столыпина нѣтъ, текущая дѣйствительность заволакивается какой-то сѣрой пеленой, а на горизонтѣ вспыхиваетъ зарницы и что дастъ намъ ближайшее будущее, предугадать трудно.

Но теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, нужно бе-

рѣчь народное представительство и въ ряды народныхъ представителей не вводитъ тѣхъ людей, которые своей политической дѣятельностью вели эту идею къ гибели».

Со своими возраженіями гр. С. Ю. Витте выступилъ на столбцахъ московскаго «Русскаго Слова», ставшаго въ послѣдніе годы лейбъ-органомъ бывшаго премьера. Но редакція сугубо-либеральной газеты не считаетъ возможнымъ въ этомъ открыто сознаться и туманно пишетъ по поводу новаго выступленія графа С. Ю. Витте на ея столбцахъ: «Намъ сообщаютъ, что гр. С. Ю. Витте по поводу возраженій А. И. Гучкова заявилъ буквально слѣдующее».

— Прежде всего напоминаю,—говоритъ графъ С. Ю. Витте на столбцахъ газеты «Русское Слово», въ чемъ дѣло. Въ «Новомъ Времени» появилось подробное изложеніе рѣчи, произнесенной многоуважаемымъ А. И. Гучковымъ въ Москвѣ по поводу возмутительнаго убійства П. А. Столыпина, при чемъ въ этой рѣчи неоднократно говорилось обо мнѣ. На другой день въ той же газетѣ была помѣщена маленькая замѣтка, что Гучковъ проситъ заявить, что рѣчь его была передана невѣрно, и нѣкоторыя мѣста изложенія не соотвѣтствуютъ истинѣ. Но что именно изъ напечатанной обширной рѣчи соотвѣтствуетъ истинѣ и что нѣтъ,—объ этомъ умалчивалось. Такъ какъ большинство того, что было напечатано относительно меня, именно и не соотвѣтствовало истинѣ, то я почелъ нужнымъ дать разъясненія, которыя были напечатаны въ «Новомъ Времени» отъ 25-го сентября. Г. Гучковъ нынѣ признаетъ, что мои разъясненія въ общей сложности правильны, а, слѣдовательно, и многіе факты въ рѣчи Гучкова такъ, какъ они были переданы въ «Новомъ Времени», не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

«Но встрѣчаются подробности,—говоритъ А. И. Гучковъ,—которыя представляютъ извѣстный интересъ, и которыя запамятованы гр. Витте.»

Какія это подробности?

«Главнымъ пунктомъ разногласія (о совѣщаніи съ общественными дѣятелями),—говоритъ А. И. Гучковъ,—явился, дѣйствительно, вопросъ о замѣщеніи поста министра внутреннихъ дѣлъ. Графъ Витте съ самаго начала высказался, что единственнымъ его кандидатомъ на этотъ постъ является П. Н. Дурново (тогда товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывавшій полиціей)

«Главнымъ доводомъ въ пользу этого кандидата выставлялось его близкое знакомство съ дѣлами полиціи, охраны, борьбы съ революціонными партіями: онъ держитъ въ рукахъ всѣ нити. Собесѣдники гр. Витте (кромѣ кн. Урусова) не менѣе категорически возражали противъ этой кандидатуры».

Далѣе А. И. Гучковъ говоритъ: «Вѣдь, можетъ, не изгладилась изъ памяти гр. Витте одна подробность этого эпизода. Былъ моментъ, правда, непродолжительный, когда онъ уступилъ своимъ собесѣдникамъ и отказался отъ своего кандидата».

«Ему было доложено, что въ распоряженіи нѣкоторыхъ редакцій имѣется ужасающій матеріалъ изъ прошлаго его кандидата, что громовыя статьи уже въ наборѣ и ждутъ только появленія указа о его назначеніи, чтобы вылить ушаты грязи и на него, и на все правительство, принявшее отвѣтственность за это назначеніе».

Вотъ это есть первая подробность, которая мною запамятована....

Въ совѣщаніи съ общественными дѣятелями, какъ я уже писалъ, я выставилъ единственнаго кандидата (по тому времени) на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, П. Н. Дурново, и высказалъ тогда же доводы къ этому моему безповоротному рѣшенію. Но доводы эти были нѣсколько иные, нежели тѣ, которые изложены выше. А. И. Гучковъ, или запамятовалъ, или ему не было извѣстно, что П. Н. Дурново, хотя тогда и былъ товарищемъ министра внутреннихъ

дѣлъ, но не завѣдывалъ полиціей и не имѣлъ къ ней касательства, а потому я никакъ не могъ указывать на это обстоятельство въ пользу моего кандидата. П. Н. Дурново завѣдывалъ полиціей въ качествѣ директора департамента при министрахъ внутреннихъ дѣлъ графѣ Толстомъ и И. Н. Дурново, а затѣмъ былъ назначенъ сенаторомъ. Потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ приглашенъ на постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Сипягинымъ и оставался на этомъ посту при Сипягинѣ, Плеве, кн. Святополкъ-Мирскомъ и Булыгинѣ, но ни при одномъ изъ этихъ министровъ не завѣдывалъ полиціей и не имѣлъ къ ней прямого касательства, а завѣдывалъ почтами и телеграфами. При Булыгинѣ всей полиціей на особыхъ правахъ завѣдывалъ генералъ Треповъ, а ближайшимъ его помощникомъ былъ директоръ департамента полиціи, нынѣ сенаторъ Гаринъ, а его дѣйствительнымъ помощникомъ—Рачковскій. Въ это ужасное время смуты и неурядицы, послѣ 17-го октября, я и принялъ постъ предсѣдателя совѣта министровъ и собралъ совѣщаніе съ нѣкоторыми общественными дѣятелями, которымъ было предложено войти въ мое министерство. Доводы, которые я имъ представилъ тогда въ пользу моего рѣшенія представить на постъ министра внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново, были слѣдующіе. Я высказалъ, что у насъ со времени уничтоженія при графѣ Лорисъ-Меликовѣ третьяго отдѣленія, къ сожалѣнію, завѣдываніе всей, какъ секретной, такъ и наружной, полиціей соединено съ обширнѣйшимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, что на постъ министра внутреннихъ дѣлъ нашлись бы лица, которыя удовлетворили бы всѣхъ присутствующихъ въ совѣщаніи, но между ними нѣтъ лица, которому извѣстны организаціи и функціи русской секретной полиціи. Въ настоящее время,—говорилъ, я,—разъединить полицію отъ министерства внутреннихъ дѣлъ,—что необходимо сдѣлать въ будущемъ,—невозможно, хотя бы уже потому, что это дастъ по-

водъ кричать, что послѣ 17-го октября прежде всего возстановили ненавистное въ свое время III отдѣленіе.

Съ другой стороны, смута охватила всю Имперію, а потому по лежащей на мнѣ отвѣтственности за безопасность Царствующаго Дома и за жизнь гражданъ Россійской имперіи я считаю необходимымъ, чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ, вступающій въ управленіе въ моментъ революціи, могъ бы сразу взять въ руки весь полицейскій аппаратъ и съ надлежащей компетентностью имъ управлять, дабы не было Азефовъ, Богровыхъ и другихъ многочисленныхъ, по выраженію погибшаго министра внутреннихъ дѣлъ, «идейныхъ добровольцевъ», къ которымъ онъ причислялъ также Казанцева, и которыхъ расплодилось тысячи за послѣднее время. Для того, чтобы назначить на постъ министра внутреннихъ дѣлъ человѣка, которому сейчасъ же придется принимать рѣшительныя мѣры въ области полиціи, а не учиться, не ссылаться на другихъ, мнѣ приходится выбирать,—говорилъ я,—или изъ сотрудниковъ и учениковъ В. К. Плеве, или изъ сотрудниковъ генерала Трепова, или предложить постъ министра внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново, человѣку твердому, рѣшительному и знающему организацію русской секретной полиціи.

Вотъ какіе доводы въ пользу выбора П. Н. Дурново мною были предоставлены,—выбора, который мною былъ безповоротно рѣшенъ въ особомъ совѣщаніи, а потому я думаю, что А. И. Гучкову показалось, что во время совѣщанія былъ непродолжительный моментъ, когда я отказался отъ своего кандидата. Во всякомъ случаѣ, былъ ли такой моментъ, или нѣтъ,—это такая подробность, которая едва ли имѣетъ какое-либо значеніе для сути дѣла. Гучковъ заявляетъ: «Переговоры были прерваны. Кабинетъ составился при участіи П. Н. Дурново. Гр. Витте, какъ видно, остался вполнѣ доволенъ своимъ выборомъ, но и мнѣ не приходится раскаиваться въ своемъ поведеніи».

Я, дѣйствительно, остался доволенъ своимъ выборомъ въ томъ отношеніи, что во время смуты, когда я находился во главѣ правительства, не было такой поразившей весь міръ своими сказочными особенностями катастрофы, которая вышла въ Кіевѣ, не было покушеній не только на Царствующій Домъ, но и на болѣе или менѣе видныхъ дѣятелей и пр., и пр. А, между тѣмъ, въ мое время не было также института исключительнаго порядка смертныхъ казней, установленнаго и получившаго, такъ сказать, права гражданства во время расцвѣта третьей Государствен. Думы, т.-е. расцвѣта «новаго политическаго строя», по выраженію А. И. Гучкова, такого примѣненія смертной казни, о которомъ не мечтали до 17-го октября и во время моего премьерства даже самые крайніе реакціонеры.

Если же замѣчанія А. И. Гучкова о моемъ полномъ довольствѣ выборомъ относятся до теченія общей политики того времени, то я разошелся съ тѣмъ теченіемъ политики, которое явилось послѣ нѣкотораго времени моего премьерства, и къ которому склонялся и П. Н. Дурново, а потому, собравши Государственную Думу, я просилъ Государя Императора оказать мнѣ милость и сложить съ меня предсѣдательствованіе въ совѣтѣ министровъ.

Другая подробность, на которую указываетъ А. И. Гучковъ, какъ на такую, которую я запамятовалъ, касается того, что въ указанномъ совѣщаніи никто не высказался о предложенномъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпинѣ отрицательно. Между тѣмъ, я сказалъ, что одинъ изъ присутствующихъ въ совѣщаніи заявилъ, что «насколько ему извѣстно, П. А. Столыпинъ въ своихъ дѣйствіяхъ неопредѣленъ и измѣнчивъ».

Смѣю утверждать, что это не я запамятовалъ. Я не считаю себя въ правѣ въ печати указать, кто именно изъ уважаемыхъ членовъ совѣщанія, видный общественный дѣятель, высказалъ отрицательное мнѣ-

ніе о П. А. Столыпинѣ, но если А. И. Гучкову угодно, ему лично я это напомню.

Наконецъ, въ рѣчи А. И. Гучкова, напечатанной въ «Новомъ Времени», говорилось, будто я былъ негласнымъ инспираторомъ правыхъ членовъ Государственнаго Совѣта и ихъ лидера П. Н. Дурново въ ихъ выступленіяхъ противъ покойнаго премьера. Я заявляю, что это безусловно невѣрно, что,—я увѣренъ,—подтвердитъ громадное большинство моихъ почтенныхъ коллегъ всѣхъ партій Государственнаго Совѣта.

Теперь А. И. Гучковъ говоритъ, что ему трудно возражать противъ моего отрицанія, такъ какъ онъ, конечно, никакихъ доказательствъ къ своему утвержденію, что я былъ вдохновителемъ правыхъ членовъ Государственнаго Совѣта, ихъ лидера Дурново и «реакціонныхъ внѣпарламентскихъ» круговъ, не имѣетъ, но для него, «стоявшаго близко къ политической сценѣ послѣдняго времени», была ясно видна та опытная, искусная рука, которая изъ-за кулисъ разставляла фигуры и дергала маріонетками.

«Во всякомъ случаѣ, общность конечной цѣли борьбы противъ новаго политическаго строя, общность ближайшихъ политическихъ задачъ, въ числѣ которыхъ первой явилось устраненіе такого лица, которое было убѣжденнымъ сторонникомъ этого строя и стояло поперекъ дороги всѣхъ реакціонныхъ политическихъ экспериментовъ, эта общность явилась результатомъ если не сговора, то внутренняго сродства» (моего и реакціонеровъ). Итакъ, А. И. Гучковъ не могъ представить никакихъ доказательствъ моихъ инспирацій, и это только его догадка, его политическое чутье. Противъ такой аргументаціи трудно возражать. Я, съ своей стороны, заявляю, что никогда ни прямо, ни косвенно ни съ кѣмъ ни въ какія инспираціи противъ несчастнаго П. А. Столыпина не входилъ, и что никто не въ состояніи представить доказательствъ противнаго. Это не что иное, какъ полицейско-политическая легенда, уже

давно пущенная отчасти изъ боязни моего престижа и главнымъ образомъ, для того, чтобы дискредитировать своихъ противниковъ.

Всему свѣту извѣстно, что новый строй былъ провозглашенъ манифестомъ 17-го октября 1905 года и очерченъ законами, изданными въ согласіи съ этимъ манифестомъ, когда я стоялъ во главѣ Императорскаго правительства. Всему свѣту не менѣе извѣстно мое исключительное и отвѣтственное участіе въ созданіи этого акта, установившаго «новый политическій строй». Отъ тѣхъ убѣжденій, которыя тогда я имѣлъ смѣлость и счастье высказать моему Повелителю Государю Императору, я никогда не отказывался, а воспоминанія объ этомъ наполняютъ нынѣ мою жизнь и составляютъ мою гордость. Извѣстно, что правые реакціонеры ко всему что было сдѣлано 17-го октября и во время моего премьерства, относятся отрицательно и свою ненависть къ этимъ актамъ обыкновенно переносятъ на мою личность.

Такъ какъ я не привыкъ безъ доказательствъ кого-либо заподозрѣвать, а тѣмъ болѣе — оглашать объ этихъ заподозрѣваніяхъ, то со своей стороны увѣренъ, что реакціонеры, полагающіе, что нужно 17-ое октября уничтожить, думаютъ вполнѣ искренно. Я ихъ мнѣнія не раздѣляю и нахожу, что то, къ чему они стремятся, будетъ гибельно для Царя и моей родины, но ихъ мнѣніе я понимаю, — оно искренно и ясно. Но о какомъ «новомъ строѣ» говоритъ А. И. Гучковъ, за который, будто бы, погибъ убѣжденный сторонникъ этого строя? Въ чемъ сохранились начала 17-го октября, воплощенныя во время моего премьерства въ законы, вслѣдъ затѣмъ отмѣненные,—объ этомъ, если писать, то нужно писать томы. Но я утверждаю, что въ новомъ обновленномъ строѣ, защитникомъ котораго теперь является А. И. Гучковъ, сохранился **лишь трупъ 17-го октября,** что подъ флагомъ «конституціоннаго режима» послѣдніе годы

лишь указывались предѣлы Царской власти, но свою собственную власть довели до неограниченнаго, абсолютнаго и небывалаго произвола. Для меня такіе прогрессисты не болѣе симпатичны, чѣмъ искренніе прямые реакціонеры. На эту тему по моему особливому участію въ 17-мъ октября я не могу говорить спокойно. Объ этомъ, какъ правильно замѣчаетъ А. И. Гучковъ, скажетъ исторія....

Въ заключеніе же приведу слѣдующее: реакціонеры, съ одной стороны, и приверженцы погибшаго премьера—съ другой, возбуждаютъ во мнѣ тѣ же чувства, которыя я испытывалъ, посѣщая въ послѣднее время Revues на злободневныя темы во французскихъ театрахъ. Когда на сценѣ посѣтители снимаютъ Джіоконду и оставляютъ вмѣсто нея старую стѣну, то зрители волнуются и огорчаются. Но когда похитители снимаютъ Джіоконду, и вмѣсто нея со старой стѣны глядитъ поддѣльная Джіоконда съ накрашенными ланитами и обведенными глазами, зрители возмущаются и выходятъ изъ себя...

Наша печать не замедлила, конечно, комментировать на всѣ лады эту острую полемику между А. И. Гучковымъ и гр. С. Ю. Витте. Интересно было выслушать мнѣнія тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые принимали участіе на знаменитомъ собраніи у гр. С. Ю. Витте и были свидѣтелями того, какъ составлялся и почему рухнулъ кабинетъ общественныхъ дѣятелей. Первымъ высказался по этому вопросу извѣстный общественый дѣятель Д. И. Шиповъ.

— Я прежде всего нахожу несвоевременнымъ касаться этого вопроса, такъ какъ не наступилъ моментъ для того, чтобы относиться къ этимъ собы-

тіямъ съ точки зрѣнія исторической перспективы,— сказалъ Д. Н. Шиповъ.—У меня все это записано во всѣхъ подробностяхъ, и я надѣюсь, что со временемъ, можетъ быть, когда меня уже не будетъ въ живыхъ, это будетъ опубликовано. Согласитесь, что чрезвычайно затруднительно касаться обстоятельствъ, которыя связаны съ отзывами о лицахъ. Вѣдь большинство тѣхъ лицъ, кандидатуры которыхъ выставлялись въ собраніи у гр. Витте на должность министра внутреннихъ дѣлъ, находятся въ живыхъ и оглашать отзывы о нихъ, особенно неблагопріятные, съ указаніемъ лицъ, отъ которыхъ эти отзывы исходили, врядъ ли умѣстно въ данную минуту. Затѣмъ споръ между гр. Витте и А. И Гучковымъ уже вышелъ изъ первоначальной плоскости разногласія въ фактическомъ описаніи историческихъ совѣщаній 1905 года. Они уже спорятъ о томъ, кто погубилъ русскую конституцію и что осталось отъ манифеста 17-го октября. Въ данномъ случаѣ выводы могутъ быть только чисто субъективные, и по этому поводу я не берусь разбираться въ спорѣ гр. Витте и г. Гучкова. Я бы вообще не хотѣлъ говорить о подробностяхъ нашихъ переговоровъ 1905 года, но разъ г. Гучковъ коснулся ихъ на публичномъ собраніи и говорилъ объ этомъ, я считаю себя въ правѣ остановиться на этомъ только въ предѣлахъ фактическаго подтвержденія или отрицанія положеній спорящихъ сторонъ. Я нахожу, что кое въ чемъ ошибается А. И. Гучковъ, въ другомъ неправъ гр. Витте. Послѣдній между прочимъ, правъ въ томъ, что инициатива кандидатуры П. А. Столыпина исходила не отъ общественныхъ дѣятелей: ее предложилъ кн. А. Д. Оболенскій. Но она прошла такъ же незамѣтно, какъ и цѣлый рядъ другихъ предложенныхъ кандидатуръ. Столыпинъ былъ тогда мало кому извѣстнымъ губернаторомъ и члены совѣщанія не располагали матеріаломъ относительно его дѣятельности и его данныхъ на такой отвѣтственный постъ, какъ постъ министра

внутреннихъ дѣлъ. Кандидатура Столыпина была предложена и обойдена мимолетно, безъ особеннаго вниманія, такъ какъ никто не могъ серьезно ее поддержать. И, конечно, гр. Витте правъ, что въ этомъ совѣщаніи, которое происходило днемъ, онъ не могъ посылать телеграмму съ вызовомъ П. А. Столыпина и не посылалъ ея. Тутъ А. И. Гучковъ безусловно ошибается. Впрочемъ, онъ уже и самъ призналъ первую часть утвержденія графа Витте, что кандидатура Столыпина была предложена не общественными дѣятелями. Когда мы всѣ ушли отъ гр. Витте, у насъ происходило частное совѣщаніе безъ представителей правительства. Тутъ принялъ участіе и пріѣхавшій къ намъ кн. С. Д. Урусовъ. А. И. Гучковъ въ общемъ вѣрно, но не детально, передаетъ часть сужденія относительно кандидатуры П. Н. Дурново и поддержки, оказанной ей кн. Урусовымъ. Вы меня спрашиваете, былъ ли однако, какъ утверждаетъ г. Гучковъ, моментъ, когда Сергѣй Юліевичъ готовъ былъ отказаться отъ кандидатуры Дурнова. Да, такой моментъ былъ, и А. И. Гучковъ отмѣчаетъ его совершенно вѣрно. Здѣсь необходимо отмѣтить любопытную подробность. Когда мы вечеромъ снова пришли на совѣщаніе къ гр. Витте, мы встрѣтили на лѣстницѣ человѣка, котораго не знали и который потомъ оказался Рачковскимъ. На насъ не могло не произвести отрицательнаго впечатлѣнія то обстоятельство, что гр. Витте, не согласившійся отказаться отъ кандидатуры П. Н. Дурново, подъ вліяніемъ доводовъ общественныхъ дѣятелей, склоненъ былъ отказаться отъ нея подъ вліяніемъ бесѣды съ Рачковскимъ. Но это колебаніе было только кратковременнымъ и вскорѣ гр. Витте категорически, какъ разсказываетъ А. И. Гучковъ, отстаивалъ кандидатуру П. Н. Дурново и безповоротно на ней остановился. Послѣ перерыва переговоровъ гр. Витте просилъ насъ изложить письменно мотивы, по которымъ мы отказываемся войти въ кабинетъ общественныхъ дѣ-

ятелей, дабы этотъ матеріалъ могъ быть оглашенъ. Я тогда нѣсколько разъ обращался къ А. И. Гучкову, предлагая ему написать письмо, но онъ все оттягивалъ. Тогда я написалъ письмо отъ себя, а кн. Трубецкой отъ себя и письма эти были напечатаны въ газетахъ. Что касается остальной части спора гр. Витте съ А. И. Гучковымъ, я въ ней не берусь быть судьею. Скажу впрочемъ, еще, что мотивы, по которымъ мы возставали противъ кандидатуры Дурново, изложены не достаточно точно у обѣихъ спорящихъ сторонъ.

По этому же заинтересовавшему всѣхъ вопросу объ образованіи кабинета изъ общественныхъ дѣятелей высказался и графъ И. И. Толстой, одинъ изъ членовъ перваго конституціоннаго кабинета, занимавшій при гр. С. Ю. Витте постъ министра народнаго просвѣщенія вплоть до того времени, когда всѣ министры получили отставку.

Разборъ и оцѣнка всѣхъ обстоятельствъ, какъ сопровождавшихъ первые дни новаго строя, такъ рано и предшествовавшихъ ему, мнѣ кажутся преждевременными, — заявилъ гр. И. И. Толстой. Это — дѣло исторіи, которая разберется здѣсь не по устнымъ воспоминаніямъ очевидцевъ и участниковъ, а по документамъ и записямъ. Кромѣ того, самыя эти воспоминанія приняли характеръ слишкомъ личный, и я полагаю, что возникшая полемика, основанная на личныхъ воспоминаніяхъ, очень мало будетъ способствовать освѣщенію и разъясненію той, едва ли не самой занимательной страницы исторіи Россіи, какой является эпоха введенія новаго строя.

Слѣдя за тѣмъ, что появлялось въ газетахъ изъ области воспоминаній, я долженъ отмѣтить, что большинство этихъ воспоминаній не всегда точно передаетъ дѣйствительно происходившее. Оговариваюсь, что отнюдь не думаю кого-либо изъ всѣхъ, вольно или невольно ввязавшихся въ полемику, обвинять въ извращеніи истины. Наоборотъ, я положительно

увѣренъ, что маленькія отступленія въ изложеніи фактовъ, въ особенности съ точки зрѣнія освѣщенія фактовъ, которыми страдаютъ всѣ воспоминанія, вполнѣ естественны и практически неизбѣжны. Развѣ можно основываться на незаписанныхъ воспоминаніяхъ о такомъ важномъ, необычномъ періодѣ, какъ конецъ 1905 года и начало 1906 года. Въ этотъ періодъ налицо былъ рядъ факторовъ, которые значительно вліяли какъ на самыя воспоминанія, такъ и на оцѣнку того или другого явленія. Прежде всего, жизнь тогда шла столь необычно усиленнымъ темпомъ, событія чередовались съ такой быстротой и носили столь неожиданный характеръ, что врядъ ли человѣческая память могла запечатлѣвать все это съ точностью, и врядъ ли можно теперь, спустя столько лѣтъ, да и притомъ лѣтъ, богатыхъ своимъ содержаніемъ, если не положительнымъ, то отрицательнымъ, говорить объ этомъ строго объективно. Затѣмъ, нужно имѣть въ виду, что точности воспоминаній препятствуетъ въ значительной степени та растерянность власти, которая проявилась передъ 17-мъ октября и дошла до значительныхъ размѣровъ послѣ этой исторической даты. Это было нѣчто прямо невообразимое. Никто изъ властей предержащихъ не разбирался въ происходящемъ, и никто не зналъ, что ему дѣлать. Изъ цѣлаго арсенала яркихъ примѣровъ этой небывалой растерянности, которыхъ я не считаю возможнымъ въ настоящій моментъ касаться, приведу слѣдующую характерную исторію.

При введеніи новаго строя я былъ вице-президентомъ академіи художествъ. По примѣру прочихъ учебныхъ заведеній, и академія художествъ была закрыта. У входа стояла полиція, не пропускавшая внутрь постороннихъ. 18-го октября нарядъ полиціи былъ снятъ, и администраціи академіи было полиціей сказано, что теперь можно дѣлать все, что угодно.

Отступаю немного для того, чтобы разсказать слѣдующій, бросившійся мнѣ въ глаза фактъ. Полиція

съ нескрываемымъ злорадствомъ не только стала все допускать, но даже какъ бы поощряла всякіе эксцессы, и все ея поведеніе явно носило характеръ: дѣлайте какъ можно больше,—пусть видятъ послѣдствія свободъ.

Возвращаюсь къ указанному мною эпизоду.

Завѣдующій зданіемъ академіи художествъ обратился ко мнѣ, спрашивая, что дѣлать. Я отвѣтилъ, что полиція не уполномочена разрѣшать все, и поэтому до выясненія вопроса распорядился оставить закрытыми двери и ворота. Тѣмъ не менѣе, публика проникла внутрь зданія. Начались митинги. Я поѣхалъ къ графу Витте, желая получить отъ него какія-либо директивы, но графъ Витте заявилъ, что это не его дѣло, чтобы я обратился къ В. Ѳ. Трепову. Я поѣхалъ къ нему. В. Ѳ. Треповъ въ очень любезной, предупредительной бесѣдѣ на мое заявленіе замѣтилъ, что онъ самъ не знаетъ, что дѣлать. Потомъ онъ объяснилъ, слѣдующее: «Я предупреждалъ о возможныхъ волненіяхъ еще передъ изданіемъ манифеста. Я отнюдь не противникъ манифеста 17-го октября: во-первыхъ, это—Высочайшая воля, а затѣмъ я самъ думаю, что пора Россіи стать на новый путь; но я говорилъ, что надо выпустить манифестъ вмѣстѣ съ подробными разъясненіями, которыя давали бы возможность ясно и точно уяснить каждую мелочь. Меня не послушали. Я умываю руки. Дѣлайте, что хотите».

До приглашенія моего въ кабинетъ я очень мало былъ знакомъ съ графомъ Витте, и онъ меня почти не зналъ. Спустя нѣсколько дней послѣ 17-го октября, графъ вызвалъ меня и предложилъ мнѣ постъ министра народнаго просвѣщенія. Онъ говорилъ, что ему указали на меня лица, къ которымъ онъ относится съ довѣріемъ, и убѣждалъ меня не отказываться, говоря, что положеніе его чрезвычайно затруднительно, что кабинетъ весь, послѣ долгихъ усилій, составленъ, а постъ министра народнаго просвѣщенія не удается

замѣстить. Что три или четыре лица отказались. Никакой программы онъ не развивалъ, никакихъ условій ни я, ни онъ не ставили. Изъ этого разговора я уже тогда вынесъ впечатлѣніе, что графъ чрезвычайно нервничаетъ по поводу текущихъ событій. Я вошелъ въ составъ кабинета, когда послѣдній уже имѣлъ нѣсколько засѣданій и сразу замѣтилъ, что и здѣсь доминируетъ нервность. Изъ разговора съ графомъ Витте было видно, что послѣ манифеста 17-го октября онъ ожидалъ много выраженій чувствъ признательности и благодарности по отношенію къ правительству, быть-можетъ, даже восторга. Онъ ожидалъ наступленія всеобщаго удовлетворенія и былъ пораженъ тѣмъ, что вовсе не видно удовлетворенія, при чемъ эта неудовлетворенность и неудовольствіе все больше направлялись по его адресу, а пожаръ, между тѣмъ, все разгорался. Послѣдствіемъ этого, между прочимъ, явилось предложеніе объ обязательности преданія военному суду за покушеніе на должностныхъ лицъ, о чемъ графъ Витте въ своемъ отвѣтѣ А. И. Гучкову, очевидно, совсѣмъ забылъ. Касаясь этого вопроса я долженъ отмѣтить, что не вполнѣ вѣрно сообщеніе, будто противъ этого предложенія графа Витте въ совѣтѣ министровъ были только два голоса. Мнѣ помнится, что большинство въ пользу этого проекта было всего въ два голоса. Еще когда предложеніе это только возникало, и въ совѣтѣ министровъ по этому поводу говорилось частнымъ образомъ, т.-е., значитъ, когда предложеніе официально не было еще внесено на повѣстку засѣданій, министромъ юстиціи былъ Манухинъ, вскорѣ вышедшій изъ состава кабинета, и онъ, помнится, протестовалъ противъ этого законопроекта, указывая на то, что эта мѣра противорѣчитъ укладу русскаго законодательства.

Я считаю въ настоящую минуту неудобнымъ оглашать больше по этому вопросу.

Переходя къ характеристикѣ гр. Витте въ обла-

сти вопроса объ отношеніяхъ его къ П. Н. Дурново, я долженъ сказать, что природа этихъ отношеній представляется весьма сложной и трудно поддающейся точной и правильной характеристикѣ, ибо она полна неясностей. Для насъ не было секретомъ, что комбинація съ общественными дѣятелями не удалась изъ-за П. Н. Дурново, но мы тогда не приписывали этого отрицательному отношенію къ дѣятельности П. Н. Дурново, ибо тогда онъ не считался вовсе крайнимъ реакціонеромъ. Я бы не взялся теперь характеризовать природу отношеній премьера Витте къ П. Н. Дурново.

Въ свое время, опять-таки по документамъ и запискамъ, можно будетъ, я думаю, разобраться въ этомъ весьма деликатномъ вопросѣ. Вообще, опредѣленіе и анализъ отношеній графа Витте и Дурново —вопросъ будущаго. Всякія сужденія, основанныя на воспоминаніяхъ, врядъ ли смогутъ дать надлежащее освѣщеніе этому дѣлу. Тутъ много недоговореннаго, скрытаго, и только безпристрастный историкъ сумѣетъ разобраться въ этомъ сложномъ вопросѣ.

Что касается раздраженіе графа Витте по адресу А. И. Гучкова, я его хорошо понимаю. Быть-можетъ, никто такъ не обманулъ надеждъ графа, какъ партія, лидеромъ которой состоитъ А. И. Гучковъ.

День возникновенія партіи 17-го октября, я хорошо помню, былъ настоящимъ праздникомъ для графа. Послѣ того, какъ всѣ его попытки сблизиться съ общественными группами потерпѣли фіаско; послѣ того, какъ графъ Витте сталъ ясно чувствовать недовольство общественныхъ группъ, партія 17-го октября явилась для него какъ-будто маякомъ. Графъ думалъ, что это и есть та партія, на которую онъ сможетъ опереться и возложить свои надежды. Въ ней онъ видѣлъ спасеніе своего дѣтища. Какъ оправдались его надежды,—объ этомъ говорить, кажется, излишне.

И еще одинъ искъ перваго конституціоннаго ка-

бинета, бывшій министръ торговли въ кабинетѣ графа С. Ю. Витте—В. И. Тимирязевъ счелъ необходимымъ выступить съ изложеніемъ нѣкоторыхъ деталей, относительно завязавшагося спора.

Письмо графа Сергѣя Юльевича не мало меня удивило, — пишетъ В. И. Тимирязевъ. — Прежде всего бывшій премьеръ обвиняетъ правительство Столыпина въ томъ, что оно обратило принципы, возвѣщенные манифестомъ 17-го октября, въ трупъ. На мой взглядъ, это обвиненіе по существу своему неправильно и врядъ ли зиждется на точно обоснованныхъ фактахъ. Затѣмъ графъ въ порывѣ недовольства П. А. Столыпинымъ бросаетъ ему укоръ за введеніе «института исключительнаго порядка смертныхъ казней»,— такого широкаго ихъ примѣненія, о которомъ въ дни правленія графа Витте и помышленія не могло быть. Наконецъ, покойному Столыпину предъявляется графомъ и третье тяжкое обвиненіе, что при немъ занимались указаніемъ предѣловъ Царской Власти и доведеніемъ своей собственной власти до неограниченнаго, абсолютнаго и небывалаго произвола. Прежде чѣмъ говрить о выступленіи въ печати бывшаго премьера, я долженъ сказать, что оно меня удивляетъ уже потому, что, на мой взглядъ, графъ, въ качествѣ бывшаго главы правительства, не долженъ былъ бы оглашать въ печати такія событія и отдѣльные факты, которые случились такъ недавно и которые еще, несомнѣнно, составляютъ извѣстную тайну. Во всякомъ случаѣ, чтобы дѣлиться съ публикою по такимъ вопросамъ, нужно имѣть высокое на то разрѣшеніе. Очевидно, графъ въ порывѣ своего недовольства правительствомъ П. А. Столыпина пренебрегъ всѣмъ этимъ. Есть еще одно соображеніе, съ которымъ ему нужно было бы, какъ я думаю, считаться. Это то, что Петръ Аркадьевичъ умеръ и умеръ при такой трагической обстановкѣ. Выступленіе при такихъ условіяхъ представляется мнѣ безтактнымъ, а его обвиненіе въ томъ, что Петръ Ар-

кадьевичъ присваивалъ себѣ ту власть, которая ему не принадлежала, незаслуженнымъ.

Письмо графа Сергѣя Юльевича меня не только удивило, но прямо потрясло. Бывшій премьеръ, по поводу сведенія счетовъ съ А. И. Гучковымъ, высказалъ тяжкія обвиненія противъ правительства П. А. Столыпина. Графъ хорошо знаетъ цѣну и силу своего могучаго слова и его выступленіе противъ умолкнувшаго навѣки государственнаго дѣятеля, надъ свѣжей его могилой, заставило меня содрогнуться. Если въ своемъ письмѣ графъ, касаясь времени своего премьерства, отъ котораго насъ отдѣляетъ уже болѣе пяти лѣтъ, справедливо указываетъ, что это время оцѣнить будущее, что о немъ скажетъ свое слово исторія, то какими государственными побужденіями можетъ быть оправдана его суровая оцѣнка дѣятельности Столыпина уже на завтра послѣ его мученической смерти. Я во многомъ не былъ солидаренъ съ Петромъ Аркадьевичемъ, но его благородный рыцарскій образъ стоитъ какъ живой, передо мною, его вѣра въ живыя силы Россіи, его беззавѣтная преданность Государю и родинѣ, его стремленіе къ поднятію русскаго духа, всѣ эти драгоцѣннѣйшія свойства государственнаго дѣятеля всегда возбуждали во мнѣ чувство глубокаго уваженія и восхищенія, котораго не могли умалить нѣкоторыя ошибки послѣдняго времени, нѣкоторые моимъ убѣжденіямъ противоположные пути и способы, имъ избранные.

Графъ Витте обвиняетъ правительство Столыпина въ томъ, что оно обратило принципы, возвѣщенные манифестомъ 17-го октября, въ трупъ. На мой взглядъ, это обвиненіе по существу своему неправильно и врядъ-ли зиждется на точно обоснованныхъ фактахъ. Можно быть того мнѣнія, что Столыпинымъ, на пути исполненія завѣтовъ 17-го октября, было сдѣлано слишкомъ мало, но во всякомъ случаѣ сдѣлано неизмѣримо больше, чѣмъ во время перваго

кабинета. Затѣмъ графъ въ порывѣ неудовольствія П. А. Столыпинымъ бросаетъ ему укоръ за введеніе «института исключительнаго порядка смертныхъ казней», такого широкаго ихъ примѣненія, о которомъ въ дни правленія графа Витте и помышленія не могло быть.

Но какъ-то странно звучитъ это обвиненіе въ устахъ государственнаго мужа, при которомъ совершались карательныя экспедиціи и была сдѣлана попытка чрезвычайнаго расширенія военно-полевой юрисдикціи, которую Совѣтъ Министровъ хотѣлъ осуществить въ порядкѣ Верховнаго управленія. Какъ извѣстно, выработанный по этому предмету въ Совѣтѣ Министровъ законопроектъ былъ подвергнутъ обсужденію въ Г. Совѣтѣ, прежняго состава, гдѣ послѣдовали разныя мнѣнія, послѣдствіемъ чего было неутвержденіе законопроекта. Мнѣ особенно памятно это дѣло потому, что въ Совѣтѣ Министровъ я одинъ (впослѣдствіи примкнулъ ко мнѣ князь А. Д. Оболенскій) высказался въ самой категорической формѣ противъ законопроекта, не взирая на увѣщанія графа Сергѣя Юльевича не дѣлать разногласія. То именно обстоятельство, что я въ этомъ серьезнѣйшемъ вопросѣ разошелся во мнѣніи съ предсѣдателемъ Совѣта и большинства моихъ коллегъ, и было ближайшей причиной, побудившей меня просить Государя Императора о Всемилостивѣйшемъ увольненіи меня въ отставку.

Спѣшу оговориться: я отнюдь не критикую дѣйствій правительства графа С. Ю. Витте. Готовъ вѣрить, что и карательныя экспедиціи, и усиленіе военно-полевой юрисдикціи были въ то время дѣломъ суровой необходимости, съ которою я по личному чувству не могъ примириться. Но я хочу только подчеркнуть, что едва ли имѣлась достаточная надобность пришпиливать къ свѣтлому имени Столыпина кличку «грознаго».

Наконецъ, покойному Петру Аркадьевичу предъ-

является графомъ и третье тяжкое обвиненіе въ томъ, что при немъ занимались умаленіемъ Царской власти и доведеніемъ своей собственной до неограниченнаго, абсолютнаго и небывалаго произвола. На этомъ обвиненіи я не считаю нужнымъ останавливаться. Высказанная съ высоты Престола глубокая скорбь объ утратѣ вѣрнаго слуги статсъ-секретаря Столыпина отозвалась въ сердцахъ всѣхъ русскихъ людей, и передъ нею должны умолкнуть недоброжелательныя памяти усопшаго легенды.

Въ заключеніе не могу не замѣтить, что, вообще, представляется труднымъ высказаться съ достаточною полнотою обо всемъ томъ, чего коснулись въ своей полемикѣ графъ Витте и А. И. Гучковъ. Вѣдь, эта полемика вращается вокругъ фактовъ, оглашать кои въ печати во всемъ объемѣ едва ли своевременно и даже допустимо въ виду особеннаго офиціальнаго положенія, которое занимали многіе изъ свидѣтелей этихъ фактовъ. Между тѣмъ, безъ оглашенія фактовъ въ полномъ объемѣ не можетъ быть и правильнаго ихъ освѣщенія. Поясню маленькимъ примѣромъ. Въ полемикѣ названныхъ двухъ лицъ много говорится объ отношеніи ихъ къ личности П. Н. Дурново. Но какъ много могло бы быть приведено еще деталей.

Хорошо помню, что вскорѣ послѣ вступленія моего въ Совѣтъ Министровъ, управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ П. Н. Дурново. Я и тогда былъ и до сихъ поръ остаюсь въ самыхъ хорошихъ личныхъ отношеніяхъ съ Петромъ Николаевичемъ и скажу откровенно, что, не раздѣляя его политическихъ взглядовъ, я признаю въ немъ убѣжденнаго государственнаго дѣятеля, съ вполнѣ опредѣленными и твердыми взглядами, отъ которыхъ онъ не отходилъ. Но приглашеніе его на министерскій постъ вслѣдъ за провозглашеніемъ принциповъ 17 октября, осуществлять которые правительство было призвано, смутило меня. Я высказалъ

графу Витте мои, по этому предмету, сомнѣнія. Графъ отвѣтилъ мнѣ слѣдующее: «Вы всѣхъ картъ не знаете. Мнѣ нуженъ П. Н. Дурново по соображеніямъ полицейской политики. Но между вами, министрами, и имъ сдѣлала разница. Дурново назначенъ лишь управляющимъ министерствомъ и назначеніе его имѣетъ временный характеръ».

Слова эти не оправдались: къ 1 января П. Н. Дурново былъ утвержденъ министромъ и пожалованъ въ статсъ-секретари.

Вы скажете, что это деталь, но то время было богато именно деталями, и только зная всѣ ихъ, можно сказать объ этомъ времени безпристрастное и серьёзное слово.

Не отвѣтившій ни Д. И. Шипову, ни гр. И. И. Толстому, гр. С. Ю. Витте поспѣшилъ выступить съ обширнымъ опроверженіемъ всего, что было высказано В. И. Тимирязевымъ, и опять-таки на столбцахъ «Русскаго Слова»:

— В. И. Тимирязевъ счелъ нужнымъ повѣдать міру въ «Новомъ Времени», что «онъ потрясенъ» моимъ письмомъ, которое не пожелало напечатать «Новое Время» (послѣ даннаго и сообщеннаго мнѣ по телеграфу обѣщанія, что оно будетъ напечатано, а потому напечатаннымъ въ «Русскомъ Словѣ» и «Рѣчи»). Его «потрясли» два обстоятельства: во-первыхъ, что мнѣ не слѣдовало «оглашать такіе событія и факты, которые случились такъ недавно и которые составляютъ извѣстную тайну, безъ особаго высокаго разрѣшенія», а во-вторыхъ, что я, выступая съ отрицательными указаніями относительно дѣятельности 3-й Государственной Думы по водворенію «новаго политическаго строя» и погибшаго премьера, поступилъ «безтактно», такъ какъ «Петръ Аркадьевичъ умеръ при трагической обстановкѣ».

Я думаю, что ни объ одномъ государственномъ дѣятелѣ не пишутъ и не писали столько неблагожелательныхъ статей и инсинуацій, сколько писали и

постоянно пишутъ обо мнѣ. Имѣя свои убѣжденія относительно значенія и роли печати, я на всѣ эти выпады никогда не отвѣчалъ и не отвѣчаю, если они анонимны или исходятъ отъ лицъ, недостойныхъ моего вниманія. Чувство, которое естественно всякому человѣку передъ свѣжею могилою, мнѣ не дозволило также уронить хотя бы одно слово относительно государственной дѣятельности покойнаго министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпина, возмутительно убіеннаго и увеличившаго серію не менѣе возмутительно убіенныхъ: московскаго генералъ-губернатора Великаго князя Сергія Александровича, министровъ внутреннихъ дѣлъ: оплакиваемаго моего друга Д. С. Сипягина и В. К. Плеве, московскаго градоначальника, графа Шувалова и т. д., несмотря на то, что послѣ кончины П. А. Столыпина я получалъ со всѣхъ концовъ десятки просьбъ высказать свое мнѣніе. Но на могилѣ несчастнаго П. А. Столыпина началась самая оживленная политическая партійная игра. Я не принимаю никакого активнаго участія въ политической жизни моей родины, стою въ сторонѣ отъ всѣхъ партій, и сказанная политическая тризна, конечно, не могла вынудить меня выступить въ печати. Но въ «Новомъ Времени» появилась рѣчь, произнесенная въ Москвѣ бывшимъ предсѣдателемъ Государственной Думы, нынѣшнимъ лидеромъ одной изъ вліятельныхъ партій этого высокаго законодательнаго собранія, однимъ изъ наиболѣе близкихъ политическихъ дѣятелей къ погибшему П. А. Столыпину, въ которой не меньше, чѣмъ о покойномъ П. А. Столыпинѣ, говорилось о моей дѣятельности, какъ предсѣдателя совѣта министровъ, высказывалось крайне неблагопріятное мнѣніе о бывшемъ по моей иниціативѣ и моему желанію въ моемъ министерствѣ министрѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново, намекалось на мое нравственное участіе въ «устраненіи» отъ дѣятельности П. А. Столыпина, и приводились свѣдѣнія, которыя еще не

были опубликованы, о моей попыткѣ послѣ 17-го октября образовать министерство при участіи общественныхъ дѣятелей и въ томъ числѣ многоуважаемаго А. И. Гучкова.

Это меня вынудило на страницахъ того же «Новаго Времени» напечатать нѣкоторыя фактическія объясненія, при чемъ я полагалъ, что на этомъ дѣло и кончится. Но мои объясненія, признанныя А. И. Гучковымъ, въ общемъ, правильными, вызвали съ его стороны письмо, напечатанное въ томъ же «Новомъ Времени», гдѣ указывалось на нѣкоторыя мои «запамятованія», и подтверждалось обвиненіе въ нравственномъ участіи моемъ въ «устраненіи», съ цѣлью поколебать новый политическій строй, П. А. Столыпина, совмѣстно съ правыми членами Государственнаго Совѣта и лицами реакціонной внѣпарламентской партіи, которыя, будто бы, не что иное, какъ пѣшки и фигуры въ моемъ волшебномъ дарѣ гипноза. Это письмо вызвало письмо съ моей стороны за моею отвѣтственною подписью, которое такъ встревожило «Новое Время», что вызываетъ съ его стороны ежедневные противъ меня выпады и даже инсинуаціи (увѣренъ, помимо почтеннаго А. С. Суворина и нѣкоторыхъ другихъ мною чтимыхъ сотрудниковъ этой газеты), — письмо, которое, какъ теперь заявилъ В. И. Тимирязевъ, вѣроятно, вслѣдствіе недостаточнаго вакаціоннаго отдыха, его «потрясло».

Я смѣю думать, что, если мое письмо обратило на себя вниманіе, то только потому, что оно содержало въ себѣ правду, которую другіе по тѣмъ или инымъ мотивамъ не высказывали, а совсѣмъ не потому, что оно содержитъ въ себѣ какіе бы то ни было факты, которые не могли быть опубликованы послѣ того, какъ двукратно ихъ опубликовало «Новое Время» (рѣчь и письмо А. И. Гучкова), и не потому, что, касаясь дѣятельности 3-й Государственной Думы, я не могъ не коснуться въ предѣлахъ

корректной и необходимой съ моей стороны «самообороны» нѣкоторыхъ сторонъ дѣятельности погибшаго министра внутреннихъ дѣлъ. Мнѣ кажется, что В. И. Тимирязевъ, будучи совсѣмъ неопытенъ (такъ какъ это не прошлая спеціальность) въ политическихъ газетныхъ «обращеніяхъ кого слѣдуетъ вниманія», въ данномъ случаѣ прибѣгъ къ этому пріему крайне неудачно, такъ какъ въ моемъ письмѣ нѣтъ ничего такого, что могло бы послѣ того, что было опубликовано въ «Новомъ Времени» въ неточномъ видѣ, почитаться тайной, — потому именно я избѣгъ опубликованія всего того, что могло бы значительно усилить мое письмо, но что я, дѣйствительно, считаю профессіональной тайной бывшаго главы правительства Государя Императора. Меня еще болѣе удивило, что вообще печатаніе того или другого въ газетахъ не анонимно, а за полною подписью могло «потрясти» В. И. Тимирязева при его извѣстномъ либеральномъ отношеніи къ печатному слову, —отношеніи, которое, между прочимъ, послужило къ тому, что я такъ охотно разстался съ нимъ, когда онъ былъ, — впрочемъ, очень недолго, — въ моемъ министерствѣ министромъ торговли, такъ какъ тогда все, что говорилось и дѣлалось въ конфиденціальныхъ засѣданіяхъ совѣта министровъ, на другой же день появлялось въ крайней лѣвой прессѣ, и, какъ мнѣ сдѣлалось тогда же извѣстно въ качествѣ главы правительства, всѣ эти сообщенія въ прессѣ исходили именно отъ министерства торговли, главою котораго былъ членъ совѣта министровъ В. И. Тимирязевъ.

В. И. Тимирязевъ желаетъ теперь объяснить свой уходъ изъ моего министерства тѣмъ, что онъ былъ противъ попытки чрезмѣрнаго расширенія военно-полевой юрисдикціи, которая послѣ обсужденія въ законодательномъ порядкѣ того времени не получила утвержденія, и что, слѣдовательно, мое указаніе на процвѣтаніе въ расцвѣтѣ 3-й Государственной

Думы «исключительнаго порядка смертной казни» представляетъ какъ бы не соотвѣтствующее съ моей стороны указаніе; при этомъ В. И. Тимирязевъ, укоряя меня въ началѣ своего интервью въ некорректности по обнародованію нѣкоторыхъ фактовъ, самъ почелъ умѣстнымъ обнародовать цѣлый рядъ фактовъ, касающихся вопроса о законахъ о смертной казни, которые ему извѣстны лишь какъ бывшему министру, и вся эта некорректность сдѣлана имъ только для того, чтобы огласить, что онъ, молъ, ушелъ изъ моего министерства потому, что былъ противъ военно-полевой юрисдикціи. Въ разсказѣ В. И. Тимирязева все неточно. Во-первыхъ, то расширеніе военно-полевой юрисдикціи, которое было сдѣлано впослѣдствіи, было въ моемъ министерствѣ отвергнуто единогласно всѣми членами совѣта, несмотря на то, что мое министерство существовало всего шесть мѣсяцевъ во время полнѣйшей смуты и отсутствія военной силы, бывшей въ то время за Байкаломъ, а не въ теченіе пятилѣтняго «успокоенія», конституціоннаго торжества и наличія на мѣстахъ грозной военной силы, дѣйствительно, преданной ея Верховному Вождю. Во-вторыхъ, проектированный въ мое министерство законъ, касавшійся военной юрисдикціи, который не прошелъ послѣ обсужденія его въ Государственномъ Совѣтѣ по причинамъ, о которыхъ я не считаю своевременнымъ говорить, имѣлъ въ виду не расширить военно-полевую юрисдикцію, а точно урегулировать ее закономъ, устранивъ элементъ личнаго усмотрѣнія. Въ-третьихъ, мое охотное согласіе на желаніе В. И. Тимирязева, чтобы онъ вышелъ изъ министерства, произошло не отъ тѣхъ или другихъ его политическихъ воззрѣній вообще и по вопросу о смертной казни въ частности, а отъ дѣйствій министра торговли В. И. Тимирязева въ исторіи Гапона-Матюшинскаго. Именно, какъ признакъ моей корректности по сохраненію профессіональнаго секрета, этотъ эпи-

зодъ еще не былъ въ надлежащемъ видѣ преданъ гласности, хотя я обладаю по этому предмету надлежащими и интересными документами. Можетъ быть, дѣло Матюшинскаго, если оно будетъ предметомъ гласнаго судебнаго разбирательства, вынудитъ меня огласить въ судѣ часть этихъ документовъ, которые пояснятъ, почему я желалъ, чтобы В. И. Тимирязевъ ушелъ съ поста министра торговли во время моего министерства. Затѣмъ В. И. Тимирязевъ, какъ извѣстно, былъ также недолго, какъ въ моемъ министерствѣ, и въ министерствѣ покойнаго П. А. Столыпина. Я не знаю, или, вѣрнѣе, хотѣлъ бы не знать, истинную причину ухода В. И. Тимирязева съ поста министра торговли въ министерствѣ П. А. Столыпина. Во всякомъ случаѣ, причиной этого ухода не было то, какъ теперь счелъ умѣстнымъ огласить В. И. Тимирязевъ въ своемъ интервью, напечатанномъ въ «Новомъ Времени», что «онъ не былъ во многомъ солидаренъ съ П. А. Столыпинымъ».

Наконецъ, въ заключеніе своего интервью В. И. Тимирязевъ заявляетъ, будто по поводу выраженнаго имъ мнѣ сомнѣнія относительно моего выбора на постъ министра внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново я ему сказалъ: «Вы всѣхъ картъ не знаете. Мнѣ нуженъ П. Н. Дурново по соображеніямъ полицейской политики. Но между вами, министрами, и имъ сдѣлана разница. Дурново назначенъ лишь управляющимъ министерствомъ, и назначеніе это имѣетъ временный характеръ».

— Ничего подобнаго никогда В. И. Тимирязеву я не говорилъ и не могъ говорить, — заявляетъ гр. С. Ю. Витте, — во-первыхъ, потому, что я желалъ, чтобы П. Н. Дурново былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а не управляющимъ министерствомъ, а, во-вторыхъ, потому, что я, дѣйствительно, дѣлалъ разницу между министрами: съ большинствомъ изъ нихъ, въ томъ числѣ и съ П. Н. Дурново,

входилъ въ обмѣнъ мыслей по общимъ политическимъ вопросамъ, а съ нѣкоторыми, въ томъ числѣ и съ В. И. Тимирязевымъ, считалъ безполезнымъ говорить о чемъ бы то ни было, за исключеніемъ того, что касалось ихъ узкой и, въ данномъ случаѣ, чиновничьей спеціальности.

На этомъ полемика бывшихъ членовъ кабинета гр. С. Ю. Витте окончилась. Въ повседневной печати она вызвала весьма обширные комментаріи, а равно нападки на гр. С. Ю. Витте. Вмѣсто его отвѣта, въ томъ же «Русскомъ Словѣ» появилась анонимная замѣтка, явно инспирированная тѣмъ же гр. Витте:

«Въ литературѣ, которая поднялась вокругъ вопроса о попыткѣ гр. С. Ю. Витте создать въ 1905 году кабинетъ изъ общественныхъ дѣятелей, и посыпавшихся воспоминаніяхъ объ этомъ времени, естественно, много неточностей и «запамятованій». Между прочимъ, изъ достовѣрнаго и вполнѣ компетентнаго источника намъ указываютъ на допущенныя въ статьѣ «Трупъ и Воскресеніе» въ московской газетѣ «Утро Россіи»...

Первая неточность касается знаменитой фразы гр. С. Ю. Витте: «Я знаю, какъ спасти Россію». Фраза эта облетѣла въ свое время міръ, стала однимъ изъ ходячихъ изреченій и послужила темой для многочисленныхъ юмористическихъ выступленій. Приходится разрушить легенду объ этой фразѣ: она никогда гр. Витте произнесена не была.

Дѣло было такъ. Послѣ 17-го октября, когда гр. С. Ю. Витте вступилъ въ премьерство, въ разгаръ смуты и революціи, онъ не могъ получить надлежащей поддержки среди общественныхъ дѣятелей различныхъ направленій, такъ какъ всѣ они ставили ему условія, соотвѣтствующія взглядамъ ихъ партій, которыя онъ, гр. Витте, какъ глава правитель-

ства, принять не могъ. Тѣмъ не менѣе, они иногда являлись къ гр. С. Ю. Витте съ совѣтами. Однажды къ нему явилось нѣсколько человѣкъ общественныхъ дѣятелей, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ начали давать ему совѣты... Это было тогда, когда министерство гр. С. Ю. Витте уже было сформировано, и острый періодъ революціи погасъ. Тогда гр. Витте людямъ, которые хотѣли давать ему совѣты, сказалъ: «Я самъ знаю, что мнѣ нужно дѣлать». Т. е. онъ въ ихъ совѣтахъ не нуждается. На другой день въ какой-то газетѣ появилось сообщеніе, будто гр. Витте сказалъ: «Я знаю, какъ спасти Россію», и эта фраза послужила къ распространенію легенды.

Вторая неточность заключается въ слѣдующемъ. Въ статьѣ говорится, будто гр. С. Ю. Витте сказалъ какому-то иностранному корреспонденту, что «Россія не доросла до конституціи».

Никогда ничего подобнаго гр. С. Ю. Витте не говорилъ.

Далѣе, изъ того же освѣдомленнаго источника намъ указываютъ слѣдующее. Вслѣдъ за письмомъ А. И. Гучкова и отвѣтомъ гр. С. Ю. Витте въ «Новомъ Времени» и въ «Голосѣ Москвы» появились замѣтки по поводу того же совѣщанія съ общественными дѣятелями въ 1905 году, которыя вызвали обмѣнъ писемъ между гр. Витте и А. И. Гучковымъ, при чемъ въ этихъ замѣткахъ анонимно сообщаются различныя свѣдѣнія, касающіяся этого совѣщанія, то опровергающія гр. Витте, то опровергающія А. И. Гучкова, при чемъ дѣлаются ссылки на слова Д. Н. Шипова и кн. Е. Н. Трубецкого, участвовавшихъ въ совѣщаніи. Въ этихъ замѣткахъ сообщались большей частью свѣдѣнія совершенно невѣрныя, и гр. Витте смотритъ на всѣ подобныя замѣтки, какъ на провокацію и на стремленіе вызвать его на новыя объясненія. Намъ достовѣрно извѣстно, что гр. С. Ю. Витте ни на какія анонимныя статьи и замѣтки, по обыкновенію, отвѣчать не будетъ. Вѣроятно,

онъ отвѣтилъ бы и Д. Н. Шипову, и кн. Е. Н. Трубецкому, какъ онъ отвѣтилъ и А. И. Гучкову, если бы эти почтенные дѣятели сообщили что-либо за своей подписью, и если бы эти сообщенія вызывали необходимость какого-либо отвѣта со стороны гр. Витте, что представляется маловѣроятнымъ».

